

И будь готовъ за мною въ адъ!..»
 «О сильный духъ, о духъ жестокий!»
 Вскричалъ Абдуль въ тоскѣ глубокой,
 «Постой, постой! возьми твой кладъ,
 Но страшень мнѣ, ужасень адъ...»

.....

 Иманъ, схвативъ скорѣй мѣшокъ,
 Лихимъ козломъ изъ дому скокъ:
 Ему какъ пухъ златое время;
 Какъ Архимедъ въ старинно время,
 «Нашелъ!» онъ радостно кричитъ
 И безъ души домой бѣжитъ.
 Примчался, кинулъ деньги въ сѣно,
 И сталъ изъ дьявольскаго плѣна
 Свой грѣшный трупъ освобождать,
 И такъ, и сакъ тянуть и рвать
 Бѣсовъ лукавыхъ облаченье.
 Нѣтъ, ни искусство, ни умѣнье—
 Ничто ни мало не беретъ:
 Козлина шерсть съ него нейдетъ;
 Вертится, бѣсится, кружится,
 Пытается снять съ себя козла—
 Нѣтъ силы... кожа приросла...

Что дѣлать? Бѣдный ты невѣжда!
 Исчезла вся твоя надежда:
Сырое липнетъ на сухомъ,—
 А ты не слыхивалъ о томъ?
 Когда-бъ ты зналъ хотя немного,
 Что запрещается престога
 Отъ европейскихъ докторовъ
 (Отъ самыхъ свѣдущихъ головъ)
 Не только въ шкуры кровяныя
 И не совсѣмъ еще сухія
 Влѣзать, какъ ты изволилъ влѣзть,
 Но даже стать на нихъ иль сѣсть—
 Чему есть многія причины
 (Которыхъ, впрочемъ, безъ латыни
 Тебѣ не можно рассказать).—
 То вѣрно-бъ шкуру надѣвать
 Тебѣ не вздумалось сырую!..
 Теперь же плачь и воши: «*вскую!*!..
 Реви, завистливый Иманъ,